
**А.П. ЧЕХОВ И А.А. КИМ: ОТ «ОСТРОВА ОТЧАЯНИЯ»
К «ОСТРОВУ НАДЕЖДЫ»**

**A.P. CHEKHOV AND A.A. KIM: FROM «THE ISLAND OF DESPAIR» TO «THE
ISLAND OF HOPE»**

Т.К. Павлова

кафедра русской и зарубежной ли-
тературы Сахалинского государст-
венного университета

Ключевые слова: Антон Чехов, Анатолий Ким, остров Сахалин, мотив отчаяния, мотив надежды.

Key words: Anton Chekhov, Anatoliy Kim, island Sakhalin, motive of despair, motive of hope.

Аннотация. Статья отражает восприятие острова Сахалин в разные исторические периоды страны писателями А.П. Чеховым и А.А. Кимом. Тема каторги, человеческого отчаяния, получившие начало на страницах книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», продолжена в несколько ином ракурсе в рассказе А.А. Кима «Барбарис». Рассказ А.А. Кима отличается оптимистичным настроением, включая, кроме мотива отчаяния еще и мотив надежды.

Abstract. A.P. Chekhov and A.A. Kim's perception of Sakhalin island in various historical periods of the country is described in the article. The theme of penal labor, people's despair which was created in Chekhov's book "Sakhalin Island", was kept on in Kim's story «Barberry» in a little bit different view. In spite of this Kim's work is distinguished with positive temper which includes not only the motive of despair but also motive of hope.

Природные особенности Дальнего Востока, своеобразие быта первых поселенцев были запечатлены задолго до А.П. Чехова и А.А. Кима. Особый интерес представляют документально-публицистические работы И.Ф. Крузенштерна, В.М. Головнина, Г.И. Невельского и многих др. русских путешественников. В них, кроме научных описаний, прослеживается восхищение дальневосточными реалиями, преклонение перед величием дальневосточной природы. Уникальность климата, красота пейзажей не оставили равнодушными и мастеров художественного слова. Перу поэтов и прозаиков принадлежат произведения об особом характере дальневосточников. Но одни книги предаются забвению, другие становятся достоянием русской (а иногда и зарубежной) литературы. Таковы, например, путевые записки «Остров Сахалин» А.П. Чехова. Эта книга помогла по-новому взглянуть на край России: приоткрыла завесу над людскими горестями, указала на мощь и величие Родины при грамотном управлении страной. При этом А.П. Чехов словно провел границу между материком и островом, не приняв его, не рассмотрев красот и величия островного края. Видимо, на то были свои причины.

Интерес к Сахалину не угас и после выхода чеховской книги. XX столетие было представлено именами новых авторов, вдохновившихся темой далекого островного края. Одним из таких писателей стал А.А. Ким, дебютировавший сборником «Голубой остров» (1976), в основе названия которого лежит «сахалинской» материал. В историях Анатолия Кима раскрываются потаенные душевные качества обычных людей, их заветные мысли и мечты, нередко сопряженные с трагическим развитием жизни. Каждое произведение из «Голубого острова» – это отдельный мир: художественный мир героев и мир самого писателя, который сознательно очерчивает в своих рассказах и повестях пространство русской культуры и, прежде всего, литературной классики. Возможно, поэтому Анатолий Ким обращается в своем творчестве к именам русских прозаиков и поэтов. Одним из таких авторов становится и А.П. Чехов, особенно заметное «присутствие» которого обнаруживается в рассказе «Барбарис».

Анатолий Ким вводит в рассказ имя классика неслучайно. Оно будто задает особый, сказовый тон, настраивает на размышления: «Когда-то Сахалин был каторжным местом, островом отчаяния, сюда поэтому и Чехов приезжал, самый грустный человек. А теперь это обыкновенное место жительства, зеленая родина, вдали от которой можно, оказывается, испытать ностальгию» [1]. Антитеза, с которой начинается произведение,

сопровождает содержание рассказа вплоть до финальных страниц. Создается ощущение переплетения в тексте двух точек зрения, взглядов двух писателей на один мир. В чем-то они схожи, в чем-то значительно различаются, а иногда наблюдается совершенно противоположное восприятие одной земли. Анатолию Киму, как и А.П. Чехову, открылись разные реалии острова. У каждого из прозаиков было свое видение, восприятие Сахалина, овеянное той атмосферой, особым воздухом и связанными с ним социально-историческими обстоятельствами.

Перед А.П. Чеховым, уже взрослым, состоявшимся человеком, Сахалин предстал каторжным, мрачным, беспросветным. Такое впечатление об острове, на котором людей карал человеческий суд, создавалось и природой: густыми туманами, скалистыми берегами. А.П. Чехов увидел, по мнению Анатолия Кима, «остров отчаяния». И действительно, в конце XIX – начале XX веков Сахалин был для России каторгой, краем света, вызывая только негативные эмоции. Впечатленный людскими страданиями писатель не смог в полной мере оценить уникальности островной природы. А потому в «Острове Сахалин» нашла отражение, прежде всего, тяжелая жизнь каторжан и поселенцев, у которых «чувствуется отсутствие чего-то важного» [2. С. 80]. Каторжанам «не достает прошлого, традиций» у них «нет обычаев», «а главное, нет родины». Подобному настроению способствовали климатические условия («Хорошая погода бывает здесь очень редко»), особенности рельефа («берег совсем отвесный, с темными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег!»). Каждый прибывший на Сахалин руководствуется фразой: «У нас в России лучше» [2. С. 58–80]. Такое сравнение создавало еще большую пропасть между большой землей и островом, отделяло Сахалин от России.

Остров Сахалин, хотя и входил в состав могучей Российской империи, но за свою неизведанность, труднодоступность считался чужой, другой землей. На Сахалине не было определенного уклада, каждый из поселенцев и каторжан жил по-своему. Пример тому – описание А.П. Чеховым сахалинского быта: «На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил – сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом. Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. Сарайшко или банька на сибирский манер встречаются редко. Если есть собаки, то вялые, не злые, которые, как я говорил уже, лают на одних только гиляков, вероятно,

потому, что те носят обувь из собачьей шкуры. И почему-то эти смиренные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина.

– У нас на Сахалине все на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая» [2. С. 80].

«Такой» эту землю сделали люди, превратив вольный по природной красоте регион в место лишения свободы, которое создавало мрачную репутацию острову и трансформировало его в «остров отчаяния».

Это запечатлелось и в природе, уподобившейся поселению. «С высокого берега, – пишет А.П. Чехов, – смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться неугомонно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, – и никто не слышит этих жалоб» [2. С. 133].

Как природные жалобы остаются без ответа, так и стоны людей, караемых законом и окружающей действительностью, не доходят до высокого начальства. Но чеховские сахалинцы, словно деревья, отстаивают своё право на жизнь, а порой и на существование. Таким удручающим настроением пронизан весь «Остров Сахалин», потому что так прочувствовал Сахалин А.П. Чехов.

Анатолий Ким, проведший на острове отроческие годы спустя более, чем полстолетия после приезда классика, открыл русскому читателю совершенно иной мир: он показал красоту и поэтичность дальневосточных пейзажей, свободную землю и считавших ее родною сахалинских обитателей. Для Анатолия Кима Сахалин уже не представлялся столь мрачным, ведь на нем родилась другая жизнь – жизнь свободного человека, вступившего в новое время. Остров стал «обыкновенным местом жительства, зеленой родиной», простым, понятным, близким. Через призму жизнеутверждающего взгляда писателя даже сахалинские туманы воспринимаются по-другому – они уберегают островитян от цивилизации, от недоброго глаза. Однако у Анатолия Кима, как и у А.П. Чехова в «Острове Сахалин», одним из мотивов становится мотив отчаяния, обнаруживающийся, в том числе, и в рассказе «Барбарис».

Здесь наблюдается своеобразный диалог представителей двух литературных поколений. В оптимистический настрой рассказа Анатолия Кима добавляются грустные чеховские ноты. Иногда это скрытый

монолог Анатолия Кима, в котором он и соглашается с некоторой безнадежностью А.П. Чехова и в то же время опровергает мнение о Сахалине как об острове отчаяния.

Главный герой «Барбариса» – Гриневич (не имеющий, по замыслу писателя, собственного имени) после десяти лет странствий возвращается на Сахалин. «Зеленая родина» встретила одного из своих сыновей неизменившимся за годы «серым поселком на берегу полукруглого уютного залива» с «деревянным отцовским домом». Привычная с детства атмосфера согрела душу Гриневича, познавшего за долгое время и радость, и горечь обид, и боль поражения. На воспоминаниях о прошлом, размышлениях о настоящем построен «Барбарис».

По сюжету рассказа Гриневич – несостоявшийся детский поэт. В столице его «книжку детских стихов <...> известная критикесса беспощадно изругала ... в большой обзорной статье заодно с компанией других бездарных детских поэтов». Потерпев неудачу на литературной ниве, герой все же остался поэтом в душе. Читатель «видит» описываемые события глазами Гриневича. И эти описания – поэтичны, через них воспринимается мирная, размеренная жизнь острова: знакомая с детства улица Нахимов вся «в сонных огромных лопухах, покрытых придорожной пылью» [1. С. 159]. Такая умиротворенность предполагает похожие природные краски (однотонность, одноцветность – все это связано с зеленым цветом, цветом жизни и новых надежд). Но Гриневич расцветчивает окружающую действительность, обращает внимание на яркость мира и заставляет других смотреть иначе: на огородах «белым и фиолетовым кружевом цвела картошка; Сахалин – «зеленый, окруженный синим океаном»; ягоды барбариса – «красные», «алые». Герой словно говорит: цветной мир – живой мир. Цвет возвращает к жизни, дает надежду. Именно так – у Анатолия Кима. Но у А.П. Чехова в «Острове Сахалин» преобладающим становится серый цвет, цвет отчаяния. Писатель не видел иных красок, какими богата уникальная островная природа. Он смотрел в тот момент на мир глазами каторжанина. И для Чехова, и для поселенцев Сахалин был чужой землей. И в этом случае Анатолий Ким снова полемизирует с автором «Острова Сахалин». Затерявшийся в тумане кусочек земли, несомненно, похож на островок отчаяния. Но многоцветье природы превращает Сахалин в остров надежды.

Однако, несмотря на разнообразную палитру красок, повествовательный тон рассказа Анатолия Кима отличается внутренним

унынием. И это задано еще в экспозиционной части, где говорится о Чехове как «самом грустном человеке» [1. С. 159].

Но если для А.П. Чехова Сахалин был «островом отчаяния», то позиция Гриневича полярна. «Одно поколение уходит, – размышляет герой, – приходит другое – неужели для того, чтобы испытать все то же самое? Нет, нас это мало устраивает <...> Судьба, поворот судьбы – это всего лишь слова, чепуха. Судьба зависит от нас самих. Лишь бы не привыкнуть жить, махнув на все рукой, – не разучиться бы желать счастья!» [1. С. 164]. Иногда представляется, что Гриневич перестал «желать счастья»: вспоминая прошлое, он сам себя называет искателем «легкого хлеба». Но «легкие» пути в жизни равносильны безделью. Через какое-то время в голосе Гриневича появляется некоторая неизбежность, сопряженная с отчаянием: «...Уж если тебе не везет в жизни, то даже солнце и море не радуют» [1. С. 168]. Такое сочетание противоположных установок, соотносимо, скорее всего, с целостным осмыслением жизни, с трагическими судьбами близких когда-то Гриневичу людей.

Одним из них становится сосед Сурен Авакович, «скромный районный ветеринар, но человек с широким кругозором» [1. С. 159]. О нем известно только то, что «первую свою семью он давно потерял при каких-то таинственных обстоятельствах еще до войны» [1. С. 161]. Второй раз герой женился, «будучи уже весьма в зрелых летах» [1. С. 161].

В шестьдесят лет, на закате жизненного пути, у него родились трое сыновей. Именно на сахалинской земле старый армянин получил подарок судьбы, надежду на новую жизнь, что, однако, не было им оценено. Сурен Авакович «был настолько подавлен неожиданным счастьем, что вскоре поседел как лунь и словно впал в какую-то странную, глубокую задумчивость» [1. С. 161]. По каким-то причинам душевное состояние героя граничило с отчаянием, потерянностью, неизвестностью перед завтрашним днем, близким будущим. Вероятно, в Сурене Аваковиче не было того нравственного стержня, который помогает человеку не впасть в уныние, видеть счастье в настоящем.

Герои этого произведения, как, впрочем, и герои «Острова Сахалин», живут в атмосфере духовной нищеты. Наиболее полно это прослеживается на примере семьи «многодетного конюха Кускова». Несмотря на то, что у Кусковых было пять дочерей и сын, их дом, по восприятию Гриневича, представлял собой «темное обиталище», в котором отсутствовали

духовный свет, нравственное развитие, в нем не доставало ощущения семьи, ощущения счастья.

Жена Кускова, «неказистая, тощая женщина с тусклыми, подслеповатыми глазами», умерла через год после рождения последней дочери. Гриневичу казалось, что при жизни от этой женщины исходил «неслышимый рев – рев муки, беды и отчаяния» [1. С. 163]. Героиня несчастна, ее муж «был пьющий человек» [1. С. 163]. «Слыхал Гриневич, что в войну, в концлагерях, в ленинградскую блокаду, люди, испытывавшие долгий голод, как бы съедали всего себя изнутри и впадали в такое состояние, что возвращения к жизни у них не могло быть. Не бывает ли подобное и при духовном голоде? Не испытывала ли эта женщина постоянное отсутствие счастья, что и есть духовный голод? – думал теперь Гриневич. Ведь на лице ее никогда не мелькало даже тени радости» [1. С. 163].

Подобный «духовный голод» испытывали и люди, описанные в книге Чехова. Их состояние можно объяснить, понять. Этих людей насильно «вырвали» из привычной среды и «поместили» в чужую. Их отчаяние объяснимо, обусловлено рядом причин. Отчего же такое состояние испытывают жители свободной уже земли, «обыкновенного места жительства»? Связано ли это с генетической памятью? Возможно, сама природа «помнит» трагические события недавнего прошлого. И это чувствуют люди, живущие на острове, люди, которым психологически тяжело.

Отчаяние и безысходность, будущее, не видимое за плотной завесой тумана, – все это убивает героев Анатолия Кима из рассказа «Барбарис». Кусковой была неинтересна жизнь, она «никогда не обращала внимания на своих детей» [1. С. 163]. «Какою же пустыней должна была казаться ей обжитая людьми земля, если даже звонкие детские голоса не могли прорваться в ее душу, накрытую глухим мешком тоски», – пишет автор [1. С. 163]. Душевное состояние матери, неудовлетворенность жизнью, некая затравленность не могли не отразиться на психике её детей. Одна из дочерей, Зоя, в детстве была «безответная, чем-то всегда напуганная, жалкая девочка» [1. С. 168]. Но она смогла освободиться от детских страхов, став интересным человеком. Такой тонкий анализ души наводит на мысль о том, что Анатолий Ким обеспокоен происходящим с человеком в современном ему обществе, тем, как ощущает себя человек, к чему стремится и почему бывает душевно одиноким.

Для Анатолия Кима, воспринимающего реальность «сверху», жизнь человека – лишь миг в масштабе Вселенной. Важно – как проходит этот миг, чем он наполнен. Повседневная жизнь жены конюха посвящена заботам о детях. Но эти заботы были внешними, внутреннее состояние героини было пустым.

Не нашел себя в жизни и сам конюх. «Ровно через год после кончины жены, в день ее смерти, конюх, побрившись, переодевшись во все чистое, повесился в дровяном сарае» [1. С. 164]. Все эти обстоятельства жизни героев рассказа «Барбарис» позволяют сформулировать Анатолию Киму мысль, что в жизни «бывают такие тупики, из которых человеку уже, по всей видимости, не выбраться» [1. С. 164].

В рассказе есть эпизод, когда дети Сурена Аваковича, играя, надули «красный воздушный шар... до страшных размеров и который потом лопнул у них» [1. С. 162]. Так и горе семьи Кусковых, достигнув «страшных размеров», лопается.

Словно создавая типичные, похожие, образы, Анатолий Ким на примере семьи Кусковых рисует драматический облик человека, загнанного в жизненный тупик внешними обстоятельствами и внутренними чувствами. И это, в конечном счете, приводит к трагическим последствиям.

В рассказе «Барбарис» важен один факт: несчастны, задумчивы в произведении только взрослые, которые почти никогда не находят выхода из сложившихся ситуаций. Детям жизнь кажется гораздо проще и интереснее. Они ставят перед собой достижимые цели. В «Барбарисе» Анатолия Кима рассказывается о двух поколениях детей: первое – представлено детством Гриневича, его сестры и Кусковых, а второе – сыновьями Сурена Аваковича. Оба эти поколения были счастливы тем, что обладали правом собственности на кусты барбариса, растущего под их окнами. В такие моменты одни были властителями Вселенной, решающими кому и когда лакомится чудесными ягодами, а других переполняло счастье быть избранными. Дети, желающие всего лишь ощутить вкус ягод на губах, выступают символом надежды.

Рассказ «Барбарис» при всем драматизме сюжетных линий обладает жизнеутверждающим началом: «зеленый, окруженный синим океаном Сахалин может быть... и островом отчаяния», и «островом последней надежды» [1. С. 168]. Эта двойственность роднит произведение Анатолия Кима с книгой А.П. Чехова «Остров Сахалин». В каторжных, нечеловеческих условиях, в суровой действительности, так точно воспроизведенной

классиком, все же есть место надежде – возвращение свободы, встреча с близкими людьми, новое открытие родины. Анатолий Ким, напротив, пишет о том, что и свободного человека посещает чувство безысходности, отчаяния. Имя А.П. Чехова в рассказе «Барбарис» упоминается лишь однажды – в первых строках произведения. Но ощущение присутствия классика сохраняется вплоть до финальных частей рассказа.

Если для А.П. Чехова Сахалин открылся как «зеркало России», то для Анатолия Кима он – «зеркало Космоса», уникальная точка соприкосновения стихий. Можно предположить, что именно на Сахалине – с его обнаженностью природных стихий и смешением этнокультурных традиций – Анатолий Ким пережил некий существенный момент формирования своего мироощущения, мотивы которого отчасти возвращают читателя к чеховскому видению каторжного Сахалина.

Библиографический список

1. Ким А. Барбарис. – М.: Голубой остров, 1976.
2. Чехов А.П. Остров Сахалин: Очерки; путевые записки; рассказы. – М.: Эксмо, 2009.